

УДК 340.0

DOI: 10.34670/AR.2023.61.49.006

Социальные институты: понятие и структура

Матюхин Анатолий Алексеевич

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории государства и права,
Юридический институт,
199106, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Гаванская, 3;
e-mail: amatyukhin200@yandex.ru

Куксин Иван Николаевич

Доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор департамента права,
Институт экономики, управления и права,
Московский городской педагогический университет,
129226, Российская Федерация, Москва,
2-ой Сельскохозяйственный проезд, 4к1;
e-mail: proffKuk-1944@yandex.ru

Материал данной статьи частично изложен в монографии: Матюхин А.А. Государство в сфере права: институциональный подход. Алматы: Эдилет, 2000. С. 324-355.

Аннотация

В статье рассматриваются существующие в теории государства и права, других общественных науках понятие и структура категории «социальный институт». Авторы акцентируют внимание и дают оценку имеющимся точкам зрения на эту проблему в западноевропейской и российской юридической литературе, раскрывают связь понятия «институт» с идеями и мышлением, считая достаточно перспективными попытки выявить всеобщее содержание институтов права и правового государства. В статье отмечается роль и значение идей М. Ориу относительно институционализации государственной и общественной жизни, дается их характеристика с учетом наличия двух типов институтов: персонифицированных и неперсонифицированных. Авторы предлагают концепцию института с точки зрения структурного содержания как идею, символическое закрепление и институциональная форма которого отражается в процедуре, каналах и механизмах его реализации, имеющихся формальных правилах, месте и роли в правовой системе, представительстве, материальных и духовных опорах. В заключение авторы подчеркивают идею о том, что право есть такой социальный институт, который самым непосредственным образом оказывает влияние на социальную стабильность, устойчивость общественного целого.

Для цитирования в научных исследованиях

Матюхин А.А., Куксин И.Н. Социальные институты: понятие и структура // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 56-72. DOI: 10.34670/AR.2023.61.49.006

Ключевые слова

Социальный институт, правовые нормы, нормы морали, правовое поведение, правовой институт, правоприменение, правовое государство, мышление, правовая система, институционализация сферы права.

Введение

В теории государства и права понятие «правовой институт» раскрывается с позиции его места и роли в системе права, систематизации права. В этой связи возникает задача отразить содержание правового института во взаимосвязи и взаимозависимости с социальными (общественными) институтами. В юридической науке существуют достаточно разнообразные определения и классификации социальных (общественных) институтов. «Современное понятие социального института воспринято философией, социологией и другими общественными дисциплинами из юридической науки, где оно обозначало совокупность правовых норм, регулирующих определенные общественные отношения (наследие, брак и т. д.)» [Быченков, 1996, 9].

Отсюда изучение понятия и структуры социального (общественного) института выступает важнейшим компонентом формирования правового мышления не только теоретиков, но и практиков в процессе их профессиональной деятельности.

Основная часть

Принимая во внимание наличие отдельных уже имеющихся подходов к определению социального института, отметим, что «под социальным институтом в самом общем виде могут пониматься:

- во-первых, социальное *установление* – комплекс определенных социальных (правовых, моральных и т.п.) норм, обуславливающих и регулирующих деятельность человека в различных областях ее приложения;
- во-вторых, социальное *образование* или учреждение – определенным образом организованное объединение людей, та или иная существующая в обществе структура;
- в-третьих, устойчивый тип социального *поведения*, выражающийся в определенной системе социальных действий, процедуре, механизме.

Тем самым различные социальные явления, имеющие между собой мало что общего (разделение труда, собственность, государство, армия, суд, господство, равенство, родство, брак, семья и т. д.) могут быть подведены под понятие института в одном из перечисленных его значений» [там же, 10].

Институты в теории государства и права понимаются, в первую очередь, как обособленные группы (совокупность) юридических норм, регулирующих однородные общественные отношения или какие-либо их компоненты. «Если нормативное предписание (норма права) есть исходный элемент, основная клеточка права, правовой материи в целом, то *правовой институт*

представляет собой основной элемент отрасли права, первичное самостоятельное структурное подразделение отрасли, где правовые нормы группируются по их юридическому содержанию. Юридические нормы образуют отрасль не непосредственно, а через правовые институты [Комаров, 2022, 364].

Во-вторых, это нормы, сопровождающие их санкции и организационные формы, где они проявляются, это «общий установленный закон и правосудные учреждения, в которые можно обратиться» [Дарендорф, 1993, 185]. При расширении юридического контекста до системы нормативного регулирования сюда «также относятся и нравы, а еще более глубокий смысл институтов состоит в том, что они выражают не просто законы, но «дух законов». Институты служат поддержанию свободы только в том случае, если они не просто «законны» (legal), но еще и легитимны (legitimate)» [там же, 185-186].

Социологи расширяют определение института и включают в это понятие также и сами отношения, регулируемые этими нормами (например, институты президентских выборов, приватизационных конкурсов), а иногда – и организации, в рамках которых эти отношения осуществляются (институт законодательной власти, институты образования).

Юридические и социологические определения института справедливы, но неполны, так как оставляют за скобками *мышление*, без которого невозможно воспроизводство ни норм, ни соответствующих отношений, а организации превращаются в псевдоформы. Предлагаемому и рассматриваемому нами представлению об институтах соответствует правовое государство как «идеальный тип», определенный рядом институциональных принципов. Институциональный анализ сферы права способствует выявлению того, каким образом представления об институте как «идеальном типе» проецируются на реальную, то есть политико-правовую жизнь государства.

Вместе с тем, предварительно необходимо обсудить традиционные представления об институтах и оправдать связь понятия «институт» с *идеями и мышлением*.

Именно мышление, носителем которого является *профессиональное сообщество*, позволяет организационно-учрежденческой форме не вырождаться, а вмещать в себя содержание воспроизводимых культурных норм. Для этого оно должно следовать некоторой *направляющей Идее ценностного характера*. Например, ученый следует Идеи Познания Истины, школьный учитель – Идеи Образования, военнослужащий – Идеи Защиты Отечества. Это касается всей системы общественных институтов, включая такие, как гуманитарные знания, публицистика, воспитание и обучение, средства массовой информации. Тем более это применимо к социокультурным и политико-правовым институтам.

Единство культурно-исторической и институциональной парадигмальных установок позволяет подчеркнуть не тождественность права и государства как институтов физическому или психофизическому «телу-образованию», но трактовать их и как «социальное тело», и как «социальный порядок» (упорядоченное целое), в котором право и государство, взаимно опосредуя друг друга, обретают свое действительное институциональное бытие. В таком контексте институт можно трактовать как понятие, достаточно широкое по своему диапазону, охватывающее институты как совокупность установлений, кодифицированных систем правовых, нормативных положений, определяющих существо того или иного социального явления; как социальное образование частноправового и публично-правового характера и как совокупность субъектов гражданского и государственного права и т. д. [Быченков, 1996, 30-31].

В данном случае достаточно перспективными могут оказаться попытки выявить всеобщее содержание институтов права и правового государства, инвариантное для составляющих,

познающих и преобразующих их субъектов. Такой подход, если его абсолютизировать и представлять как единственно возможный в исследовании права и государства в сфере права, на наш взгляд, исчерпывается более или менее масштабной общетеоретической, философски дополненной и обоснованной концептуальной констатацией факта: государство, власть есть обезличенные институты.

При выделении инвариантных компонентов, содержащихся во всей институциональной линии (от Юстиниана до наших дней), можно представить определенную *схему состава общественного института*. Если исходить из установки, что институты – это в первую очередь некие «установления», на поверхности может оказаться принцип, согласно которому состав института должен мыслиться в рамках соотношения «институт и социальные нормы». Во всяком случае, это указано и в упомянутой работе В.М. Быченко. А пристальный анализ вопроса позволяет представить более детальную схематизацию. И тогда появляется возможность отойти от «широкоописательного» толкования института, конкретизировав само *понятие права как института*.

Фундаментальную особенность социогуманитарного знания составляет его формирующее влияние, когда знание постепенно становится частью реальности, результатом исследования которой оно стало. Так и в случае с правом: понимание юридических норм сливается с их толкованием (уяснением смысла и содержания), а толкование – с применением. Юридическое знание, опираясь на понимание, постепенно в форме доктрины проникает в толкование, правотворчество и правоприменение, то есть становится частью области явлений, отображаемых им самим.

Благодаря формирующему воздействию юридического мышления и знания, применяемые юриспруденцией, методы выделения понятий и конструкций, систематизации норм, устранения противоречий и т.д. вели к изменениям в способах применения социальных норм, выдвигали требования создания новых правил поведения.

Данные приемы были замечены представителями других формирующихся социальных наук. Вначале, это было сделано на основе социологического подхода [Дюркгейм, 1991, 11], а затем понятие института начали исследовать и переосмысливать в качестве своего инструмента представители других подходов, например французского «институционализма», родоначальником которого был Морис Ориу.

Это течение синтезировало его методологические идеи в области публичного права с социологическим подходом Э. Дюркгейма и в настоящее время весьма influentially во французском государствоведении и правоведении, социологии и политической науке [Badie, Birnbaum, 1982; Burdeau, 1980; Duverger, 1973; Дюверже, 1997, 644-661]. Оно легло в основу взглядов некоторых ученых Италии, Мексики, ряда западноевропейских стран [Чиркин, 1997, 25]. Институционализм указал на методологическую перспективу для других дисциплин (прежде всего для политологии, философии и социологии политики). И это позволяет вполне обоснованно надеяться на его успешное использование в междисциплинарных исследованиях политико-правового пространства.

После публикации работы Дж. Ролза «Теория справедливости» проблематика политических институтов заняла одно из центральных мест в политической науке. По мнению Б. Ротстайна, политика, «понимаемая как институциональная инженерия», во многом вернула себе то центральное положение в политологии, которое было ею утрачено в предыдущий период господства поведенческого подхода и теории групп [Ротстайн, 1999, 149-180].

Обновленный взгляд на социальные и политические институты в определенном смысле не

воспринял, отрицал те модели, в которых политические процессы были производными от действия социальных и экономических сил. Это обусловило интерес к институциональному анализу во многих дисциплинах, тесно связанных теми или иными своими гранями и областями с политической наукой и государствоведением – в истории экономических учений, экономической теории и политической экономии [North, 1990; Норт, 1997; North, Thomas, 1873; Williamson, 1985; Campbell, 1998, 27, 377-409], в социологии и теории организаций [Powell, DiMaggio, 1991], в социальной антропологии [Douglas, 1988] и исследованиях производственных отношений [Streeck, 1992].

По сути, в зарубежных социальных исследованиях понятие института давно уже играет роль общеметодологической категории для различных дисциплин. Статус, придаваемый представлениям об институтах и институциональном анализе в работах западных ученых и философов, можно сравнить, например, со статусом теории систем и системного анализа.

Сюда также можно отнести такие направления, как «интеллектуальная история», в котором рассматривается взаимодействие «интеллектуальной традиции» и «цивилизации», то есть фактически институционализированного мышления и институтов общественной жизни, хотя обычно и не пользуются термином «институты» [Perry, 1993]. В этом же направлении трудились и некоторые советские ученые, разрабатывавшие исследования, известные в бывшем СССР и нынешней России под общим названием «системо-деятельностная методология» [Генисаретский, 1975, 409-513] и т.д.

Оставив на некоторое время в стороне исторический очерк, введем собственное основное «рабочее представление» об институте. Для того чтобы осмыслить общественный институт, необходимо различать, как минимум, институциональную Идею, слой ее символического закрепления, набор формальных мест, связанных процедурой или процедурами, а также то, что можно назвать опорами, причем это опоры двух типов. Первый – это *материальные опоры* в виде определенных инфраструктур или технологий, словом, всего того, что связано с материальной «посадкой» института. И второй – *духовные опоры*: укорененность института в духе народа, традициях и т.д. Последнее подразумевает укорененность «в нравах» прежде всего институциональной Идеи и культурную приемлемость соответствующих ей формальных процедур, системы мест и т.д. – всего того, что в целом называется *институциональной формой*.

Структуры, связанные с институциональной формой, постоянны и каким-то удивительным образом сохраняются даже при изменении социальной системы. Поэтому их всячески рекомендовали использовать их для стабилизации социальной динамики [Дарендорф, 1993, 185-186]. Момент *формы* теснейшим образом связан с *правовым аспектом* понятия «институт» – именно блестяще разработал замечательный французский правовед *Морис Ориу*, который и считается основателем *методологии институционализма* [Ориу, 1929].

На рубеже XIX и XX столетий по вопросу о соотношении формально-юридического и социологического методов изучения политико-правовых явлений в рамках позитивистского подхода сформировались две точки зрения. Одна из них была ярко представлена Г. Еллинеком, построившим свое общее учение о государстве из двух относительно независимых теорий – социального учения о государстве и учения о государственном праве [Еллинек, 2004, 750]. Его оппонентом и стал М. Ориу, который сумел не только осуществить синтез формально-юридического и социологического методов, но и поместить свою социолого-правовую концепцию в русло традиции классической либеральной философии права, подчеркивавшей, что *право есть форма социального бытия свободы, и поэтому в основании правопонимания лежит Идея Права, как производная от Идеи Свободы* [Ориу, 1929].

Такого результата удалось добиться благодаря разработке концептуальной конструкции *института-корпорации*, совмещавшей в себе социальный и формально-юридический аспекты. Помимо этого, институт-корпорация признавался нормативно-процедурной формой реализации присущей ему и его определяющей *направляющей идеи*. Тем самым М.Ориу унаследовал лучшие достижения немецкого идеализма (в частности, гегелевское представление об опредмечивании идей) и учел рефлексивный характер социальных процессов: ведь общество может переосмыслять идеи, на которых основываются его институты.

Говоря о значении понятия «институт», М. Ориу подчеркивает, что, хотя в юридическом языке под институтом понимают «всякую организацию, созданную обычаем или положительным правом, если даже организация эта является простым средством юридической техники», можно выделить особую категорию институтов, которые выступают «не только средствами правовой техники, но и элементами социальной организации. Есть два вида этих последних, существуют социальные институты, являющиеся корпорациями, имеющие в виду живую индивидуальность и юридическую личность (т.е. обладающих определенной *свободой воли* – А.М., И.К.), затем – такие, которые, напротив, относятся к категории неодушевленных предметов» [Ориу, 1929, 114].

В обеспечении социальной устойчивости М. Ориу видит решающую роль именно обладающих свободой воли корпоративных институтов: «...чрезвычайно важно установить, что вещи, поскольку они являются предметом гражданского оборота или объектами собственности, представляют собой институты; более того... институты, являющиеся вещами, не могли бы существовать без институтов, которые являются корпорациями, именно, без политических институтов, что они создаются под покровом политических институтов и благодаря созданной этими последними устойчивости» [Ориу, 1929, 115].

Для уяснения содержания понятия «институт» представляет интерес даваемое М.Ориу определение: «Корпоративный институт есть *объективная социальная организация*, осуществившая в самой себе высшую степень правового порядка, то есть организация, обладающая одновременно суверенитетом власти, конституционным устройством этой власти с определенными статутами и юридической автономией» [там же, 115-116]. Наиболее активной, «живой» стороной корпоративного института является *суверенитет власти*, подразумевающий «средоточие интересов, средоточие воли и средоточие функций... суверенитет есть власть, проявляющаяся как воля; суверенитет есть компетенция, то есть воля выполнять функции»; «...без вмешательства власти функции не могут быть выполнены, а интересы не могут быть удовлетворены: необходимо, чтобы функции и интересы проявлялись как власть. И так как каждая социальная организация является, прежде всего, средством осуществления социальных целей, то она, прежде всего, является организацией власти» [там же, 116-117].

Трактовка М.Ориу вовсе не является волонтаристской: моменты власти и автономии корпоративного института, определяющие его дееспособность и самостоятельность, ограничиваются как вписанностью института во внешний правовой порядок, так и установлением правового порядка внутри себя (конституционный статут). Причем в последнем моменте социальные цели, реализуемые институтом, связываются с той или иной *направляющей идеей*, значимой не только для данного института, но и для социального порядка в целом. Следовательно, устойчивость социального порядка и включенных в него «институтов-вещей» обеспечивается, по М.Ориу, внутренней устойчивостью корпоративных институтов [там же, 361-364].

Таким образом, помимо Идеи в составе корпоративного института М. Ориу усматривает

также слой ее символического закрепления, процедурный слой, а также материальные опоры.

Подчеркивая важность процедур социальных институтов как источника права, М. Ориу отмечает: «Процедура является источником права, независимым от власти, она представляет собою глубокий источник одновременно как обычного права, так и права, основанного на законе; процедура есть юридический элемент того, что Л. Дюги назвал социальной солидарностью; она не является единственным источником правовой нормы, но, в комбинации с властью, она является источником основанного на законе права... следует поражаться тому, какую практическую важность имеют обряды, церемонии и процедуры в социальной жизни... Что же касается общественной жизни, то она состоит сплошь из церемоний и процедур... Конституционное право... представляет собой не что иное, как обширную процедуру; то же мы видим и в административном праве...

Государственная организация достигается в результате совокупности индивидуальных волей, но при наличии условия, что эти воли принимают участие в государственной процедуре... Публичные функции, равно как и публичные учреждения, являются только процедурами; вследствие этого мы можем раздвинуть рамки этого понятия и сказать: каждый индивид, если он принимает участие в процедуре, может привести в движение государственный организм и сделать так, что его действие будет рассматриваться как действие государства; если не все индивиды благодаря коллективной организации взаимной помощи, действуют именно таким образом, то те, которые так действуют, делают это в пользу других, как равным образом, благодаря организации принуждения, встречают препятствия те индивиды, которые желали бы действовать вне установленной государственной процедуры» [там же, 160-163].

Говоря о материальных опорах института, М. Ориу подчеркивает вещный характер основных юридических положений, основанный на включенности в гражданский оборот: «Правоотношения родились из гражданского оборота, оборот этот может существовать лишь в случае, если имеется комплекс установленных юридических вещей, которые являются содержанием оборота» [там же, 165]. Иными словами «всякая государственно-политическая организация служит гражданско-правовому строю» так же, «как тело служит душе». Соотнося свой взгляд с политэкономическим учением К. Маркса, М. Ориу подчеркивает, что «приходя почти к тем же самым выводам... в преобладании экономического фактора («души», по М. Ориу. – А.М., И.К.) мы видим не исторический материализм, а наоборот, исторический спиритуализм» [там же, 113].

Принципиальным моментом, конечно, являются не «измы», а артикуляция активной роли направляющих институциональных идей, проявляющихся в суверенитете власти, в том, что М. Ориу называет «субъективной личностью института» или «идеей общесоциального дела», которая «стремится осуществиться как (сознательный) субъект» в «общей воле» членов группы «одновременно и как юридический субъект и как способность к приобретению имущества» [там же, 112, 257, 266].

Описанные им направляющие институциональные идеи, являясь результатом институционализации социальной *ценностной рефлексии* (т.е. культурного признания в качестве ценностей), как раз и образуют основание для стабилизационного действия институтов. Суть этого действия состоит в том, что институты за счет «запечатанных» в них культурных нормах являются «самовоспроизводящимися» единицами общества.

Отдельные стороны учения М. Ориу критически (в аспекте отрицания всякой доктрины «буржуазной» науки) рассматривались в юридической литературе советского периода [Грацианский, Гулиев, 1961; Даниленко, Кечекьян, Левин, 1960]. Но, отмечая значение

концепции М. Ориу, нельзя еще раз не сказать о том, что его политико-правовое учение, как основа институционалистской теории государства и права, развивается в первую очередь в таком самостоятельном течении, как современный французский институционализм. Эти позиции, в частности, разделяют современные политологи – М. Дюверже, Ж. Дело, Г. Марти, Ж. Риверо, М. Альбек и др. Институционализм является теоретико-методологической частью содержания и некоторых общесоциологических теорий, например – Ж. Гурвича, Ж. Азаера.

Наиболее обстоятельное и систематическое развитие идей правового институционализма представлено, по нашему мнению, во взглядах Ж. Ренара. Вслед за М. Ориу он утверждал, что, несмотря на бесчисленное множество институтов, всем им присущи основные признаки: наличие организующей идеи, властность, нормативно-правовой характер. Право при этом выступает как система институционально оформленных социальных связей, и в обществе существует столько юридических систем, сколько существует институтов. Институт – это некое органическое единство идей и людей.

Обобщая лишь некоторые, наиболее известные концепции, можно говорить о том, что в науке государственного права институционализм представлен, скажем, так:

- институт выступает как идея дела, предприятия (М. Ориу);
- институт есть единство идей и людей (Ж. Ренар);
- институт является предприятием на службе организующей его идеи (Ж. Бурдо);
- институт есть определенный юридический порядок (С. Романо).

Институционализм весьма успешно «прижился» и в области *экономических теорий*, где он трактуется, в частности, как то, что является распространенным образом мыслей (Т. Веблен); институт есть группа общественных обычаев (У. Гамильтон); институты есть то, что определяет трансакционные издержки участников рынка, связанные с информационным обменом, достижением взаимопонимания и доверия (Д. Норт).

С точки зрения широко известной *концепции «понимающей социологии»* М. Вебера, институт есть определенный комплекс общественных действий; в социологии как науке об институтах Э. Дюркгейма последние выступают как социальные факты, внешние и принудительные для индивидов коллективные представления. В концепции *структурного функционализма и теории обмена* институты определяются как комплексы социальных ролей (Т. Парсонс), как нормы, регулирующие отношения обмена (П. Блау), или как формализованные процессы обмена (Дж. Хоманс).

Перечисленные подходы и формулировки еще раз подтверждают отмеченные в литературе и специально подчеркнутые нами в данной работе факты широкого межнаучного использования понятия «институт».

Не останавливаясь подробно на описании всех переложений, интерпретаций классической и осовремененной теории институционализма, укажем, что можно различать два типа институтов: *персонифицированные* и *неперсонифицированные*.

Первые – это «институты-лица» или институты-корпорации (государство, торговое сообщество, профсоюз, ассоциация и т. п.), каждый из которых воплощает определенную идею. Так, коммерческая организация может быть основана на идее прибыльной спекуляции, а государство строится на идее покровительства публичной власти гражданскому обществу, нации.

Вторые – это «институты-вещи». К ним можно отнести юридические нормы. В нашем понимании, юридические нормы не есть внеэмпирические абстракции, но они являются прямым выражением определенной социокультурной динамики. То есть в более широком контексте они

выступают как *культурные нормы*. Всякая же культурная норма не может не реализовываться, если, конечно, это живой, актуализирующийся образец, а не музейный экспонат. А придает ей необходимый импульс актуализации, подталкивающий процесс воспроизводства, как раз *ценностное признание*. Таким образом, от гегелевского представления об Абсолютной Идее как «причине всего» наиболее продуктивным представляется переход к представлению об *институциональных идеях*.

Согласно М.Ориу, институт – это юридически осуществляемая *идея*. Для ее реализации необходима и власть, и общность интересов членов данного коллектива. Институт, таким образом, выступает как юридическое образование, автономная структура, служащая идее, осуществляемой *правовыми средствами*. Идея института и складывающееся вокруг нее «консенсуальное единство» есть основание для осознания членами данной социальной группы или общества в целом правомерности существующего порядка отношений. Более того, любая социальная норма, получившая признание со стороны членов общества и реализованная в отношениях, становится нормой правовой.

Характерный момент идеи отмечал в своем исследовании политико-правового учения М.Ориу Е.А. Воротилин: «Отличительным признаком института (от «организации». – *А.М., И.К.*) служит наличие идеи, направляющей активность индивидов» [Воротилин, 1979, 4].

Применяя указанные М.Ориу положения, следует считать непреложным фактом то, что культурное признание институциональных идей составляет *ценностное основание* социальной устойчивости. Механизмом ее поддержания служит *процесс воспроизводства*, что позволяет связать общественную устойчивость, правовой порядок и социокультурные институты через *Идею Права*, которая исследуется именно как *ценностная*, а не чисто позитивная, особенно для обществ переходного периода со становящейся правовой культурой.

Движение от проблем структуры, динамики и устойчивости общества к ценностной Идее осуществляется с *институциональной точки зрения*. Это следует из общих методологических установок институционализма. Однако данная аксиологическая составляющая имеет вполне весомое значение в теоретико-методологических установках культурологического подхода. Идеей Права является идеально-ценностная составляющая воспроизводящегося в рамках правовой культуры правового порядка, выполняющая направляющую функцию по отношению к правовым институтам. Следовательно, вполне уместно зафиксировать определенный методологический приоритет *культурно-нормативной ценностной* установки в плане развития современных концептуализаций о праве над позитивистским вариантом институционализма, рассматривающего институты как совокупность «голых», ценностно-нейтральных «социальных фактов» или сводящего институты к «безыдейным» учреждениям.

Будучи результатом разрешения римлянами воспроизводящейся проблемной ситуации «между свободой и порядком», в новоевропейской культуре Идея Права образуется композицией ценностных идей Свободы, Общего Блага и Справедливости.

За институтом, как мы подчеркивали, всегда стоит какая-то идея. За институтом церкви – Идея Бога; за институтом науки – Идея Познания Истины; за институтом права – Идея Права. Относительно недавно, критически анализируя советскую политическую и правовую реальность, А.А. Зиновьев утверждал, что может быть, сегодня нет институтов, но есть определенная символика, которой пользуются советские учреждения (суд). Может быть, писал он в то время, в нашей стране институты как социокультурные организационности, обеспечивающие воспроизводство жизни и деятельности, как раз и были уничтожены. И сегодня мы имеем учреждения, осуществляющие социально-коммунальные действия.

Институты были превращены в инструменты, хотя они по своей природе не могут быть инструментами.

Восстановленный в ходе российской судебной реформы институт суда присяжных, к примеру, может стать ограничителем социально-коммунального действия разных учреждений, в том числе и юридических. Это очень красивый тезис, что суд присяжных впервые осознанно рассматривается как институт, то есть является границей для социально-коммунальных отношений, проистекающих из «культуры» других псевдоинститутов. Здесь еще можно, указывал А.Зиновьев, воспользоваться категорией «превращенной формы». У нас были профсоюзы, парламент, партия, много чего по формальным признакам похожие на институты. Но идеи, которые стояли за ними, никак не были идеями институтов [Зиновьев, 1994]. Поэтому нужны не схемы готовых функционирующих институтов как на Западе, а *схемы институционального строительства, становления тех или иных институтов*. Их пока недостаточно, а возродить правовой институт при отсутствии других институтов нельзя.

Уместно предположить, что через право, понятие как институт, будут возрождаться другие институты, в частности властные институты – политические, партийные, общественные, народные и т.п. Отношение к институту как к инструменту приводит к уничтожению его сути, искажению его идеи, в связи с чем и происходит превращение связанных с этой идеей институциональных содержательных формы и ритуала в псевдоформу и псевдоритуал. Институты правосудия, наряду с другими институтами права, как и любые институты, обладают известной объективностью. Это наглядно показала немецкая классическая философия, а еще раньше продемонстрировали классики английского и французского правового Просвещения.

Цель института (ведь именно по отношению к цели распределяются средства) – некое «объективное», «истинное» предназначение данного института, адекватное его идее, а не волею человека назначаемые субъективные цели.

В связи со спецификой гуманитарного знания (а знание о цели института, восстанавливающее смысл его ценностной идеи, является таковым) нами было уже указано на значимость общественной коммуникации (и, в частности, коммуникации в рамках состязательных институтов). Данный тип коммуникации рассматривался с помощью категории «система (организованность) с внутренним («потаенным») смыслом». Подобная организованность может мыслиться как институт. Это возможно в случае, если восстановление содержания идеи, стоящей за формальным принципом (рамкой права), которая является регулятивной мерой пространства коммуникации, ориентировано на воспроизводство определенной целостной сферы общественной жизни или на стабилизацию социальной динамики в этой сфере.

Итак, в предлагаемой нами концепции институт мыслится структурно как его идея, символическое закрепление и институциональная форма (места, процедуры, формальные правила), каналы и механизмы, представительство, материальные и духовные опоры.

Институт за счет *формы* (места-роли, связанные с процедурой) и *символизма* (превращающего процедуру в ритуал) стягивает и соотносит друг с другом предельную для данной сферы общественной жизни *рамочную идею* (Бога, Блага, Познания, Истины, Права, Образования и т.д.) с *культурно безусловными моментами* «нравов людей», «духом народа», его самосознанием и общественной нравственностью. «Технической» основой институтов служат по-разному организованные *материальные опоры* (технологии, инфраструктуры и т.д.), а также многочисленные *каналы и механизмы* (важным среди которых является *представительство*), позволяющие реализовывать и символизировать процедуры. К духовным опорам также

относятся традиции, своеобразие государственности и обыкновения той среды, которую она вокруг себя формирует.

То, что институты за счет формы и символизма стягивают и соотносят рамочные идеи существования данного общества как единства с многообразием и множественностью культурно безусловных моментов общественной жизни, позволяет говорить об *институциональном опосредовании общественных отношений*. Такое опосредование за счет ритуализации и символизации институциональных процедур настолько «оестествляется», что мы можем говорить об особой *институциональной очевидности* общественной жизни. Это по аналогии, но и в отличие от *семиотической очевидности*, которая образуется, когда «непосредственная очевидность общей жизни малых сообществ в ходе их усложнения и роста с неизбежностью замещается семиотической очевидностью: непосредственной достоверностью самого процесса понимания текста» [Никитаев, 1996, 481].

Рассуждая с позиции культуролога-семиотика, можно даже попытаться свести институциональную очевидность к семиотической, рассматривая институциональные формы, процедуры и символы как особые семиотические единицы (тексты). Но с более общих позиций природа культурных символов (а значит, и институтов, в которых культурные символы могут играть большую роль) не сводится к чисто семиотической. Несмотря на свой частичный характер, такого рода идеализация представляется осмысленной в предмете семиотики и полезной в дальнейшем применительно к общественной коммуникации, в частности к прессе.

Институциональная интерпретация общественной жизни является такой же частичной, как и семиотическая, эти интерпретации взаимно ограничивают и в то же время дополняют, разворачивают друг друга.

Институциональное опосредование подразумевает «олицетворение» содержания – в отличие от его означения при семиотическом опосредовании. Подобное «олицетворение» содержания позволяет реализовать принцип непараллелизма разворачивания формы и содержания мышления. Это дает возможность в рамках одной и той же институциональной формы выделять содержание *с разных позиций*, тогда как знаковое замещение всегда осуществляется с какой-либо одной точки зрения.

В пределах института возможна функционально-производственная (формальная) *позиционность*, связанная с занятием того или иного формального места в процессуально-процедурной «машине» института. Так, прокурор «по должности» обязан обвинять, адвокат – защищать обвиняемого и т.д. Другим, содержательным, источником позиционности выступает рамочная идея данного института, восстанавливаемая в виде внутреннего смысла отдельного его экземпляра. Тем самым разнообразие институционально оформляемых содержаний воплощается в *популяртивном* характере институтов. Например, традиционный институт брака и семьи в христианской культуре имеет вполне определенное идеальное содержание, но каждая конкретная семейная пара «восстанавливает» это содержание своим особенным, уникальным образом.

Идея Права воплощается, в частности, в институтах правосудия. Но каждый конкретный *состав суда* восстанавливает смысл и содержание права при разрешении конкретного дела своим особенным образом, исходя не только из закона, но и собственного понимания права и справедливости, что закрепляется возможностью и необходимостью в определенных случаях *судейского усмотрения*, права суда на собственную позицию при рассмотрении дела. В пределе это означает, что два разных состава суда могли бы – в рамках закона – по-разному разрешить одно и то же дело.

Следовательно, идеальная «душа» института, будучи образом и подобием рамочной институциональной идеи, едина, но это единство материально воплощается во множестве социально-институциональных «тел». Этот аспект принципа «олицетворения» институционального содержания лишней раз подтверждает правоту М. Ориу, подчеркивавшего, что институт имеет характер «живой индивидуальности и юридической личности».

Личностный характер институтов также означает, что они, как и люди, в отличие от абсолютно вечных сущностей, стареют, обладая в то же время «вечной душой». Если рассматривать изменение институтов с точки зрения схемы, разграничивающей три временных масштаба осуществления права в рамках правовой культуры, то «души» правовых институтов изменяются в культурно-историческом масштабе времени (что и позволяет считать их практически вечными), в то время, как их «тела» могут трансформироваться в масштабе сферы права, а иногда даже в масштабе ситуации правоприменения. В системе юридических институтов можно выделить ряд компонентов, темп изменения которых весьма различен:

- принципы правосудия;
- сообщество юристов (адвокаты, прокуроры, судьи, ученые и т. д.);
- организационно-административные формы юридических институтов;
- нормативно-законодательная база и юридические знания; профессиональное обучение юристов [Судебная реформа..., 1996, 320].

Если вернуться к вопросу об общественной устойчивости, и, в частности, об устойчивости правопорядка, то нельзя не отметить, что она напрямую зависит не только от материальных компонентов институтов (материальных опор, процессуально-процедурных «машин» и каналов реализации норм), но и от идеально-духовных: ценностных идей, символического оформления, духовных опор. При анализе функционирования правовой культуры эти идеально-духовные компоненты институтов отражаются через правосознание, которое, собственно, и задает целостность воспроизводства правовой культуры. При этом процесс установления соответствия ценностных идей духовным опорам института, обеспечивающий легитимизацию последнего, существенно опосредован правосознанием. И неадекватный характер правосознания (например, присущий ему *правовой нигилизм*) прямо ведет к шаткости «нравов» и неустойчивости правопорядка, который не может держаться только за счет материальных компонентов институтов (фактически силовыми методами).

Изменение правосознания напрямую, управленчески, конечно же, невозможно. Но задать, предъявить новые образцы (образы) можно. Тогда речь пойдет не о формировании нового сознания, а о преобразовании правосознания за счет формирования нового правопонимания. На правопонимание оказывают влияние не только правовые установки профессиональных юристов, но и представления граждан с их общественным правосознанием. Наиболее характерная для советского правопонимания неразличимость правовой и политико-идеологической действительности (в средние века также объединяли юридическую действительность и область духа) в своей исторической ретроспективе показывает, что правопонимание тесно связано вообще с различными элементами общественного сознания.

В современной ситуации, по сравнению с нашим недавним историческим прошлым, особенным моментом является отсутствие необходимости жестко соизмерять наличное правосознание и правопонимание с господствующими политическими идеологемами. Хотя нельзя говорить, что правопонимание вообще свободно от них – достаточно обратиться к

политико-идеологическим доктринам, обосновывающим продвижение постсоветских государств по пути строительства гражданского общества с рыночно и одновременно социально ориентированной экономикой.

Но факт остается фактом: правовые нормы в современной российской действительности не нуждаются в опорах на какую-то «единственно верную» идеологию и политическую теорию «единого для всех, всеобщего счастья». Правовые нормы отражают в основном установки *профессионального* правосознания, которые, естественно, не прояснены для обыденного сознания, не обремененного специальными знаниями.

Правопонимание связано с правовой действительностью, которая обладает достаточно сложной структурой и складывается культурно-исторически, включая разнообразные конструкции, модели и схемы. По поводу понимания права не было и нет единодушного мнения. В конечном счете, правом признается то, что обществом принимается в качестве безусловных норм социальной регуляции в различных сферах жизни. И в качестве определяемого таким и многими другими способами и концептуальными обоснованиями право представляется как важнейший социальный институт.

Одновременно следует подчеркнуть: *право есть такой социальный институт, который самым непосредственным образом оказывает влияние на социальную стабильность, устойчивость общественного целого.*

Первым условием общественной устойчивости является тесная связь между тремя элементами: правовым порядком, правовым государством и сферой права, причем каждый элемент имеет институциональную организацию с идеально-ценностным компонентом. Механизм поддержания устойчивости правопорядка раскрывается здесь как связь нескольких *контуров воспроизводства* в рамках правовой культуры.

Первым контуром служит естественное «самовоспроизводство» правопорядка на основе обычая и «автоматически» выполняющихся, то есть приемлемых для правосознания, норм писаного права.

Второй контур, связанный с «осевыми» функциями сферы права – правоприменением и правотворчеством, – включается тогда, когда автоматизм воспроизводства первого контура дает сбой, но стороны по доброй воле согласны на принятые правовые формы рассмотрения единичного конфликта или на преодоление путем законотворчества конфликта типового.

И, наконец, третий контур, подразумевающий силовые действия государства по поддержанию правопорядка, задействуется тогда, когда одна или обе стороны не согласны разрешать конфликт правовыми средствами, и государство вынуждено прибегать к правовым санкциям.

Второе обстоятельство состоит в безусловности (культурной вмененности) ценностей права. Иначе говоря, ценности, присущие в качестве идеального компонента политическим и правовым институтам, принадлежат базовым *социокультурным* институтам, образующим структуру общества; они приемлемы в нем в качестве таковых.

Заключение

Таким образом, на примере права мы видим, что институт обеспечивает реализацию двух социокультурных функций, описание которых выступает *функциональным определением* понятия «социокультурный институт»:

- поддержание *оестественного способа воспроизводства определенной целостной сферы общественной жизни* при сохранении специфичных для данной сферы ценностей, закрепляемых направляющей идеей;
- стабилизацию *социальной динамики* в данной сфере, означающую разрешение социальных ситуаций в соответствии с культурными нормами-образцами, а не путем произвола или неоправданной самодеятельности.

Осуществление социокультурных функций общественным институтом производится каждый раз в конкретных обстоятельствах и заново за счет особой формы *ситуационного* (ad hoc) восстановления смысла и содержания некоторой (долго)вечной ценностной идеи, бытующей в культурно-историческом масштабе времени. Так, суд, выносящий решение по конкретному делу, должен, с учетом всех обстоятельств, восстановить смысл и содержание права применительно к рассматриваемому казусу. При этом конфликты разделенного динамичного общества *переоформляются* в «безопасные» для стабильности общества формы институционализированной состязательности. Ярким примером подобной идеи может служить Идея Права, а примером соответствующих форм основные собственные формы институционализации сферы права, то есть состязательный процесс судопроизводства и парламентское говорение.

Библиография

1. Быченков В.М. Институты: сверхколлективные образования и безличные формы социальной субъектности. М., 1996. 975 с.
2. Воротилин Е.А. Политико-правовая теория институционализма М. Ориу (историко-критический анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГУ, 1979. 16 с.
3. Генисаретский О.И. Методологическая организация системной деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании. Теория и методология. М.: Стройиздат, 1975. С. 409-513.
4. Грацианский П.С., Гулиев В.Е. Несостоятельность буржуазных идей «плюралистической демократии» // Советское государство и право. 1961. № 8. С. 83-94.
5. Даниленко В.Н., Кечекьян С.Ф., Левин И.Д. Современная буржуазная наука государственного права. М., 1960. 289 с.
6. Дарендорф Р. Мораль, институты и гражданское общество // Путь. 1993. № 3. С. 179-192.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда; Метод социологии. М.: Наука, 1991. 572 с.
8. Дюверже М. Политические институты и конституционное право // Антология мировой политической мысли. М., 1997. Т. 2. С. 644-655.
9. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 750 с.
10. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность; Кризис коммунизма. М.: Центрполиграф, 1994. 4944 с.
11. Карнозова Л.М. (ред.) Судебная реформа: проблемы анализа и освещения: Дискуссия о правовой журналистике. М., 1996. 491 с.
12. Комаров С.А. Общая теория государства и права. М.: Юрайт, 2022. 528 с.
13. Матюхин А.А. Государство в сфере права: институциональный подход. Алматы: Эдилет, 2000. 596 с.
14. Никитаев В.В. Пресса и журналистика: проблемы социокультурного самоопределения // Судебная реформа: проблемы анализа и освещения: Дискуссия о правовой журналистике. М., 1996. 491 с.
15. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 244 с.
16. Ориу М. Основы публичного права. М., 1929. 759 с.
17. Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. М.: Вече-Москва, 1999. С. 149-180.
18. Чиркин В.Е. Основы сравнительного государственоведения. М.: Артикул, 1997. 352 с.
19. Badie V., Birnbaum P. Sociologie de l'Etat. Paris, 1982. 240 p.
20. Burdeau G. Traite de sciences politique. Paris, 1980. 733 p.
21. Campbell J.L. Institutional analysis and the role of ideas in political economy // Theory and Society. 1998. Vol. 27. P. 377-409.
22. Douglas M. How institutions think. London: Routledge and Kegan Paul, 1988. 146 p.
23. Duverger M. Sociologie de la politique: elements de science politique. Paris, 1973. 452 p.

24. North D.C. Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 152 p.
25. North D.C., Thomas R.P. The rise of the Western world: A new economic history. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. 179 p.
26. Perry M. An Intellectual History of Modern Europe. Boston-Toronto: Houghton Mifflin Company, 1993. 487 p.
27. Powell W.W., DiMaggio P.J. (eds.) The new institutionalism in organizational analysis. Chicago: University of Chicago Press, 1991. 486 p.
28. Streeck W.K. Social institutions and economic performance. Beverly Hills: Sage, 1992. 248 p.
29. Williamson O. The economic institutions of capitalism. New York: Free Press, 1985. 450 p.

Social institutions: concept and structure

Anatolii A. Matyukhin

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Theory and History of State and Law,
Law Institute,
199106, 3, Gavanskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: amatyukhin200@yandex.ru

Ivan N. Kuksin

Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Professor of the Department of Law,
Institute of Economics, Management and Law,
Moscow City Pedagogical University,
129226, 1, 4, Vtoroi Sel'skokhozyaistvennyi passage,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: proffKuk-1944@yandex.ru

Abstract

The article examines the concept and structure of the category “social institution” existing in the theory of state and law and other social sciences. The authors of the paper focus their attention and evaluate the existing points of view on this problem in Western European and Russian legal literature, reveal the connection of the concept of “institution” with ideas and thinking, considering attempts to identify the universal content of the institutions of law and the rule of law quite promising. The article presented here notes the role and significance of M. Oriu's ideas regarding the institutionalization of state and public life, gives their characteristics considering the presence of two types of institutions: personalized and non-personalized. The authors of the research propose the concept of an institution from the point of view of structural content as an idea, the symbolic consolidation and institutional form of which is reflected in the procedure, channels and mechanisms for its implementation, existing formal rules, place and role in the legal system, representation, material and ground supports. In conclusion of the paper, the authors emphasize the idea that law is a social institution that most directly influences social stability and the sustainability of the social whole.

For citation

Matyukhin A.A., Kuksin I.N. (2023) Sotsial'nye instituty: ponyatie i struktura [Social institutions: concept and structure]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 56-72. DOI: 10.34670/AR.2023.61.49.006

Keywords

Social institution, legal norms, moral norms, legal behavior, legal institution, law enforcement, rule of law, thinking, legal system, institutionalization of the sphere of law.

References

1. Badie V., Birnbaum P. (1982) *Sociologie de l'Etat*. Paris.
2. Burdeau G. (1980) *Traite de sciences politique*. Paris.
3. Bychenkov V.M. (1996) *Instituty: sverkhkollektivnye obrazovaniya i bezlichnye formy sotsial'noi sub"ektnosti* [Institutions: super-collective formations and impersonal forms of social subjectivity]. Moscow.
4. Campbell J.L. (1998) Institutional analysis and the role of ideas in political economy. *Theory and Society*, 27, pp. 377-409.
5. Chirkin V.E. (1997) *Osnovy sravnitel'nogo gosudarstvovedeniya* [Fundamentals of comparative government]. Moscow: Artikul Publ.
6. Danilenko V.N., Kechek'yan S.F., Levin I.D. (1960) *Sovremennaya burzhuaznaya nauka gosudarstvennogo prava* [Modern bourgeois science of state law]. Moscow.
7. Dahrendorf R. (1993) Moral', instituty i grazhdanskoe obshchestvo [Morality, institutions and civil society]. *Put'* [Way], 3, pp. 179-192.
8. Douglas M. (1988) *How institutions think*. London: Routledge and Kegan Paul.
9. Duverger M. (1973) *Sociologie de la politique: elements de science politique*. Paris.
10. Durkheim E. (1991) *O razdelenii obshchestvennogo truda; Metod sotsiologii* [The Division of Labour in Society]. Moscow: Nauka Publ.
11. Duverger M. (1997) Politicheskie instituty i konstitutsionnoe pravo [Political institutions and constitutional law]. In: *Antologiya mirovoi politicheskoi mysli* [Anthology of world political thought]. Moscow. Vol. 2.
12. Genisaretskii O.I. (1975) Metodologicheskaya organizatsiya sistemnoi deyatel'nosti [Methodological organization of system activities]. In: *Razrabotka i vnedrenie avtomatizirovannykh sistem v proektirovanii. Teoriya i metodologiya* [Development and implementation of automated systems in design. Theory and methodology]. Moscow: Stroizdat Publ.
13. Gratsianskii P.S., Guliev V.E. (1961) Nesostoyatel'nost' burzhuaznykh idei «plyuralisticheskoi demokratii» [The failure of bourgeois ideas of "pluralistic democracy"]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 8, pp. 83-94.
14. Jellinek G. (2004) *Obshchee uchenie o gosudarstve* [General doctrine of the state]. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press Publ.
15. Karnozova L.M. (ed.) (1996) *Sudebnaya reforma: problemy analiza i osveshcheniya: Diskussiya o pravovoi zhurnalistike* [Judicial reform: problems of analysis and coverage: Discussion on legal journalism]. Moscow.
16. Komarov S.A. (2022) *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General theory of state and law]. Moscow: Yurait Publ.
17. Matyukhin A.A. (2000) *Gosudarstvo v sfere prava: institutsional'nyi podkhod* [The state in the sphere of law: an institutional approach]. Almaty: Edilet Publ.
18. Nikitaev V.V. (1996) Pressa i zhurnalistika: problemy sotsiokul'turnogo samoopredeleniya [Press and journalism: problems of sociocultural self-determination]. In: *Sudebnaya reforma: problemy analiza i osveshcheniya: Diskussiya o pravovoi zhurnalistike* [Judicial reform: problems of analysis and coverage: Discussion about legal journalism]. Moscow.
19. North D. (1997) *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional change and economic performance]. Moscow: Nachala Publ.
20. North D.C. (1990) *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
21. North D.C., Thomas R.P. (1973) *The rise of the Western world: A new economic history*. Cambridge: Cambridge University Press.
22. Oriu M. (1929) *Osnovy publichnogo prava* [Foundations of Public Law]. Moscow.
23. Perry M. (1993) *An Intellectual History of Modern Europe*. Boston-Toronto: Houghton Mifflin Company.
24. Powell W.W., DiMaggio P.J. (eds.) (1991) *The new institutionalism in organizational analysis*. Chicago: University of Chicago Press.
25. Rothstein B. (1999) Politicheskie instituty: obshchie problemy [Political institutions: general problems]. In:

- Politicheskaya nauka: novye napravleniya* [Political science: new directions]. Moscow: Veche-Moskva Publ.
26. Streeck W.K. (1992) *Social institutions and economic performance*. Beverly Hills: Sage.
27. Vorotilin E.A. (1979) *Politiko-pravovaya teoriya institutsionalizma M. Oriu (istoriko-kriticheskii analiz)*. *Doct. Dis.* [Political and legal theory of institutionalism M. Oriu (historical and critical analysis). *Doct. Dis.*]. Moscow: MSU.
28. Williamson O. (1985) *The economic institutions of capitalism*. New York: Free Press.
29. Zinov'ev A.A. (1994) *Kommunizm kak real'nost'; Krizis kommunizma* [Communism as a reality; The crisis of communism]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ.